

татов Каледин предостерег: «...большевизм страшно опасен... Казак слишком развит, чтобы поверить в несбыточные обещания Ленина и Троцкого...», но он «...слишком притягателен для масс...»

Вполне уместно, пожалуй, было бы добавить. По мере ухудшения положения этих масс, притягательность Ленинских идей неизбежно возрастёт многократно.

1.5. Корниловское выступление. Петроградская армия Крымова. Быхов

Великая война, между тем, шла своим чередом. Предпринятые союзниками в конце марта – начале мая удары имели определённый успех. Но перелома, конечно же, добиться не удалось. Фронт, чуть откатившись на восток, вновь стабилизировался. Противники стояли друг против друга, совершенно истощённые, не способные к решительным наступательным действиям.

Вновь союзники ожидали активизации от России. Масштабное наступление планировалось на начало мая, и по замыслу Ставки должно было развёрнуться одновременно на всех фронтах. Однако разложение поразило уже армию. Дело доходило до того, что комитеты разных уровней на бесконечных заседаниях голосовали то за наступление, то против. Дивизии и целые корпуса, выступавшие против наступления, отказывались вести подготовительные работы и даже выдвигаться в первую линию. В результате, решено было наступать разновременно, по мере готовности фронтов.

Первыми, 16 июня, начали армии казавшегося наиболее боеспособным Юго-Западного фронта. Следует отметить, что здесь, как и на других фронтах, значительное численное превосходство было на нашей стороне. Ни о каком «снарядном голоде» не было уже и речи. Напротив, на острие ударов, удалось сосредоточить небывалое до того времени количество тяжёлой артиллерии.

После двухдневной артиллерийской подготовки ударные корпуса 7-й и 11-й армий двинулись вперёд. Поначалу наступле-

ние развивалось успешно. Затем противник, подтянув резервы, стабилизировал фронт. Затяжные бои, проходившие с переменным успехом, не давали преимущество ни одной из сторон, пока немцы 6 июля не нанесли сильный контрудар по 11-й армии. Фронт был прорван, и тут сказалась психологическая неустойчивость разложенных уже наполовину войск. Стихийное чувство самосохранения охватило солдатские массы и, ничем не компенсируемое, повлекло их назад. Корпуса начали отход, превратившийся вскоре в паническое бегство. Обнажившиеся фланги заставили спешно отступить в исходное положение и других.

При значительном превосходстве войска фронта откатывались перед тем же самым, неоднократно битым ими противником. И удивляться не приходится. Управления, как такового уже не существовало. Случалось, части выдвигаемые на помощь атакуемому соседу, собирались на митинг и решали не выступать. Целые подразделения снимались с фронта и уходили, самостоятельно выбирая маршрут отхода. Самое нелепое, что всё это было фактически узаконено, и оставалось безнаказанным. Там и тут, прикрывая бегущих, гибли в заслонах офицеры и преданные им солдаты. Но их была малая горсть, и кроме морального примера, ничего иного не могли дать они остальным. К 21 июля войска Юго-Западного фронта очистили Галицию и Буковину и отошли к границе. Разгром был полным.

7 июля перешли в наступление войска Западного фронта. Превосходство в силах и даже средствах было значительным, но войска вперёд просто не пошли. После артиллерийской подготовки заняли первую линию окопов противника... и самовольно вернулись в исходное положение.

То же повторилось и на Северном фронте 8 июля.

Румынский фронт, который не успел ещё разложиться в такой степени в силу удалённости от политических центров и наличия сохранивших дисциплину румынских войск атаковал противника 9 июля. Но здесь решающего превосходства не было. Более того, германское командование само готовило операцию по овладению Бессарабией и Молдавией. В результате упорные бои не дали решительной победы ни одной из сторон.

А 19 августа немцы развернули наступление на Ригу, и уже через день взяли город. К 25 августа совершенно дезорганизованные войска 12-й армии Северного фронта, потеряв соприкосновение с противником, остановились, наконец, на «венденских позициях».

Фронт стабилизировался. Стало очевидным, что Русская армия в нынешнем её состоянии на наступательные действия уже не способна. Под вопросом была и способность войск к обороне. То, что противник не двинулся вслед за бегущими в панике корпусами вглубь страны, объясняется лишь одним. Судьба войны решалась на Западе. Центральные державы, не опасаясь за некогда грозный для них Восточный фронт, предполагали нанести решающее поражение союзникам, а потом уже добить Россию.

Так или иначе, но «демократизированная» армия предстала абсолютно небоеспособной. Необходимо было что-то предпринимать и срочно. В этих условиях и произошло выдвижение на первые роли генерала Л.Г. Корнилова. Именно ему суждено было впоследствии возглавить белое движение на Юге России. И нельзя проследивать дальнейшие события в отрыве от августовского «корниловского выступления» равно как и без попытки понять побудительные стимулы этого человека.

Корнилов за годы войны зарекомендовал себя смелым, решительным, совершенно независимым и целеустремлённым военачальником. Отличавшийся личной храбростью и несомненным бескорыстием, он, в то же время, вполне ориентировался в политике, соотносил возможность достижения цели с наличием средств и складывающейся обстановкой. Современники отмечают постоянную заботу Корнилова о солдатах и офицерах, понимание их чаяний и нужд. В то же время, генерал не оста-



Л.Г. Корнилов

навливался перед решительными мерами, когда считал необходимым, бывал жёсток и крут. А главное, был человеком действия. В любых обстоятельствах брал инициативу на себя и мог увлечь за собой остальных.

Войну встретил командиром 48-й пехотной дивизии в Карпатах. В апреле 1915 года, прикрывая отход Брусилова силами одной своей «Стальной» дивизии, в момент её гибели взял на себя командование одним из батальонов. При попытке пробиться к своим после упорного штыкового боя в числе семи уцелевших, раненный в руку и ногу попал в австрийский плен. В июле 1916 года бежал. В феврале 1917 года командовал XXV корпусом. 2 марта 1917 года на первом заседании Временного правительства был назначен командующим войсками Петроградского военного округа³⁵. В июньском наступлении был командующим 8-й армии Юго-Западного фронта. С ней наступал, с ней пережил разгром. 8 июля, в критический момент, стал командующим фронтом³⁶. Головокружительная карьера Корнилова объясняется просто. В обстановке хаоса он решительно и небезуспешно наводил в войсках элементарный порядок, мало считаясь с мнением, как комиссаров Временного правительства, так и комитетчиков. Не стеснялся говорить с Правительством прямо и твёрдо. 11 июля отправил в Правительство и Ставку телеграмму, в которой требовал остановки любых наступательных действий и немедленной реорганизации армии на основе строжайшей дисциплины и единоначалия. По своей инициативе запретил проведение на передовой митингов и приступил к формированию ударных батальонов из добровольцев и юнкеров для борьбы с наводнившими тыл бандами дезертиров.

³⁵ Вступил в должность 5 марта. Покинул пост в конце апреля по собственной инициативе не в последнюю очередь в связи с отставкой А.И. Гучкова и назначением на должность военного министра А.Ф. Керенского.

³⁶ Против назначений Корнилова и на армию, и на фронт публично выступал генерал Алексеев. Мотивировка была одна – молодость Корнилова. Алексееву приписывали характеристику Корнилова, как командира «с сердцем льва, но головой барана». По мнению Алексеева, нужно было дожидаться «своей очереди». Всё это конечно не способствовало установлению дружеских отношений между ними и сказалось ещё впоследствии.

Здесь следует хотя бы вкратце остановиться на истории возникновения Корниловского полка, ставшего впоследствии ядром Добровольческой армии. В начале мая помощник старшего адъютанта Разведывательного отделения 8-й армии Юго-Западного фронта капитан М.О. Неженцев³⁷ обратился к командованию с докладной запиской. В ней он предлагал создать ударный отряд, который при ожидающемся наступлении, действуя на ключевых направлениях, стал бы примером для всей армии. Корнилов отнёсся к предложению Неженцева с пониманием и приказом по армии от 19 мая 1917 г. разрешил формирование «1-го Ударного отряда»³⁸ при 8-й армии». Предполагалось, что отряд будет сплошь офицерским, но Неженцеву удалось вызвать с фронта лишь шестерых опытных офицеров-добровольцев. Костяк же отряда составили только что окончившие обучение прапорщики. Первоначально отряд состоял из двух пехотных батальонов по тысяче штыков в каждом, трёх пулемётных команд, команды пеших разведчиков (набранных из пленных чехов-добровольцев) и конной казачей разведки.

10 июня отряд получил шефство генерала Корнилова и знамя³⁹, а уже 25 июня принял боевое крещение у деревни Павеле-

³⁷ Перед тем, как перейти на штабную работу, Неженцев успел повоевать в строю. В течение 11 месяцев командовал на фронте ротой, затем, батальоном. Имел награды, также, был награждён Георгиевским оружием («Донская волна» №25 от 2 декабря 1918 г.)

³⁸ Командовать отрядом был назначен сам Неженцев. Его заместителями в период развёртывания подразделения стали сослуживцы по работе в штабе 8-й армии капитан К.И. Леонтьев и поручик Н.П. Ухтомский.

³⁹ Эмблема отряда, нашивка на левом рукаве, представляла собой белый череп со скрещенными костями между двух также перекрещенных мечей на фоне синего, овальной формы щита с разрывающейся красной гранатой снизу и надписью полукругом «Корниловцы» сверху. Атрибуты эмблемы самими «корниловцами» толковались следующим образом: «череп с костями и мечами – бессмертие посредством оружия, граната – отличительный признак гренадёра (роты отряда предполагались все гренадёрскими), надпись «корниловцы», чтобы напоминать каждому солдату, что шефом отряда, его патроном является генерал Корнилов.

Однако в армейских комитетах смысл эмблемы трактовали совершенно иначе, с явным предубеждением и не в пользу «корниловцев». В результате, многие первоначально записавшиеся в отряд нижние чины, вскоре его покинули.

Более того, после неудачи корниловского выступления Неженцев вынуж-

чье. В бою проявил себя с лучшей стороны, прорвал австрийские позиции, в немалой степени содействуя взятию частями 8-й армии Калуша. При отступлении командование использовало отряд на наиболее угрожаемых участках.

22 июля отряд стал на отдых в г. Проскурове, где 11 августа был развернут в Корниловский ударный полк четырех батальонного состава, общей численностью до 3-х тысяч бойцов. С середины августа Корниловский полк был расквартирован в Ставке и совместно с Георгиевским полком обеспечивал её охрану.

Постепенно и правительство, и даже лидеры революционной демократии стали видеть в Корнилове последнюю надежду на выход из создавшейся тяжелейшей ситуации.

16 июля в Могилёве прошло заседание Ставки с участием

ден был распорядиться снять эмблемы с рукавов гимнастёрки и шинелей. Корнилов писал ему из Быхова: «...Я знаю, что полк наш снял эмблемы, которые служили видимой связью между им и мною, мне тяжело было слышать об этом, но я понимаю, что при настоящих условиях другого выхода не было. Думаю, однако, что связь внутренняя не утратилась и что все вы по духу остались теми же «корниловцами», какими я знал вас в славные дни Станислава и Галича, – грозными и могучими борцами за родину, за её счастье и свободу, за честь и славу нашей армии...»

«...Я приказал снять эмблемы, – отвечал Неженцев, – так как был бессилен в борьбе с тёмной солдатской массой, разжигаемой безответственными гнусными агитаторами, заполняющими все железнодорожные станции и подобно кликушам, выкрикивающими с надрывом голосовых связок против вас и полка, носящего ваше имя.

Я не мог допустить, чтобы грязные руки изменников долга и чести... прикасались к нашей святой эмблеме и служили лишним испытанием для тех лиц, *которые ещё послужат нашей родине.*

...я прошу вас... быть твёрдо уверенным, что заветы полка, на основе которых он зародился, пока я команду полком, я никому и ни за что не позволю колебать».

Автору эмблема в создавшейся обстановке нарастания розни между солдатами и офицерами также представляется не слишком удачной и весьма неоднозначной для восприятия.

Не меньших кривотолков и недоумения вызывало и знамя отряда, составленное по длине из двух полотнищ, чёрного и красного, с нашитым белым черепом со скрещенными костями, «выработанное соответственно девизу отряда: «Лучше смерть, чем рабство».

По мнению автора, смерть не лучшим образом сочетается с надеждой на светлое будущее.

Керенского⁴⁰ и высших военачальников. Лейтмотивом его были всё те же требования немедленной реорганизации армии, ограничение деятельности всевозможных комиссаров и комитетов. И уже 19 июля Брусилев был снят с поста, и Верховным главнокомандующим назначен генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

После июльских демонстраций маятник качнулся вправо. Керенский делал ставку на Корнилова, так как видел в нём человека, способного предотвратить окончательный развал армии и нейтрализовать возможные выступления большевиков. Однако он недооценил генерала. Корнилов не был диктатором, судя по всему, не задумывался о личной власти, но, в то же время, не был и человеком полумер. Всегда готов был идти и шёл до конца.

Вступив в должность, он сразу же развернул жёсткую борьбу с большевистским влиянием на фронте и в прифронтовой полосе. Но не только, и даже пока ещё не столько в большевиках было дело. В докладной записке «О реорганизации армии» Верховный предлагал правительству следующее:

- восстановление дисциплинарной власти военных начальников (с неизбежным возвращением к принципу единоначалия и субординации);
- ограничение деятельности армейских комитетов всех уровней до минимума, ответственность их перед законом;
- подчинение работы оборонных предприятий и железнодорожных служб законам военного времени, установление в их отношении той же «железной дисциплины», что и для армий фронта;
- введения в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военных судов с применением смертной казни за наиболее тяжкие, преимущественно военные, преступления.

⁴⁰ Александр Фёдорович Керенский, эсер. 2 марта 1917 года занял пост министра юстиции во Временном правительстве. 5 мая в связи с созданием коалиционного правительства получил портфель военного и морского министра. 8 июля сменил князя Г.Е. Львова на посту министра-председателя, сохранив при этом за собой пост военного и морского министра.

Очевидным было, что реализация предложений Корнилова неизбежно затрагивала интересы очень и очень многих. В частях Петроградского гарнизона прекрасно осознавали, что Корниловская программа означает для них скорое отправление на фронт. Солдаты, между тем, успели обжиться в столице. Многие забросили службу, подыскивали работу, и воевать вовсе не желали. Представляя, в то же время, пусть разболтанную, но многочисленную вооружённую силу, они определяли политику Совета. Не удивительно, что «записка» Верховного сразу же была принята в штыки.

Правые в Правительстве поддержали указанные меры и требовали их немедленного воплощения в жизнь. Керенский постепенно склонялся на сторону Корнилова. Он понимал, что борьба с Советами возможна лишь при опоре на Ставку. В то же время было очевидным, одно лишь рассмотрение соответствующих законодательных инициатив вызовет серьёзное, вполне возможно, вооружённое сопротивление. В итоге вызревало постепенно решение: распоряжением Правительства объявить Петроград на военном положении, ввести в столицу для его осуществления корпус с фронта, нейтрализовать возможные выступления частей гарнизона и тогда уже огласить соответствующий законопроект.

Однако дальше слов дело не шло. Керенский не говорил определённо, ни «да», ни «нет». Совещания заканчивались ничем. Уже 8 августа Корнилов открыто говорил, что дальнейшие переговоры «о записке» ни к чему не приведут. 12–15 августа прошло Московское государственное совещание, на котором представители военного руководства вновь высказали свои требования немедленно восстановить дисциплину в армии. Совещание прошло, но инициатив, направленных на изменение военной и государственной политики, от правительства не исходило.

Верховный решил действовать самостоятельно. Из частей Северного фронта создавалась так называемая Петроградская армия во главе с генералом А.М. Крымовым. Формально армия развёртывалась для прикрытия столицы от возможного десан-

та противника. На деле, должна была в нужный момент разоружить части гарнизона, покончить «с Кронштадтским мятежным гнездом» и разогнать Советы. О структуре будущей власти ни Корнилов, ни Крымов⁴¹ особо не задумывались. Всё ставилось в зависимость от позиции Временного правительства. Не исключалась, впрочем, и диктатура.

Безрезультатные переговоры с Керенским всё продолжались, но Ставка стягивала войска. Всё делалось наспех и сбивалось из того, что оказалось под рукой. Представлялось, что даже и небольшой, но крепко сколоченной части вполне по силам поставленная задача. Подразумевалось также, что, наведя порядок в столице, можно будет сделать то же самое и по всей стране, а также, и на фронте. В итоге к выдвигению в Петроград были назначены 3-й конный корпус и Туземная дивизия. 26 августа Крымов выехал в Могилёв к войскам.

И тут, когда всё было уже подготовлено и, как считали в Ставке, согласовано, Керенский вдруг заявил, что Корнилов через члена Государственной Думы В.И. Львова якобы обратился к нему с ультимативным требованием передать всю полноту военной и гражданской власти. Несмотря на то, что В.И. Львов, всё это категорически отрицал, вечером 26 августа на заседании правительства Керенский квалифицировал действия Верховного главнокомандующего как мятеж. Предоставив министру-председателю чрезвычайные полномочия, кабинет подал в отставку.

27 августа Керенский выступил в прессе с обвинением Корнилова в мятеже и государственной измене. В ответном воззвании Корнилов заявил: «Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевицкого большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального

⁴¹ Непосредственно в планы Корнилова были посвящены также начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский, командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А.И. Деникин, начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал-лейтенант С.Л. Марков, генерал-квартирмейстер при штабе Верховного главнокомандующего генерал-майор И.П. Романовский и др.

штаба⁴², и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри...» Этот неосторожный, недальновидный⁴³, сделанный в горячности выпад, оттолкнул от Верховного сочувствующих и нейтральных членов кабинета и сплотил в борьбе против него всех. Керенского, Савинкова⁴⁴, Советы, революционную демократию и... большевиков.

Этим же утром в Ставке была получена телеграмма без номера, за подписью Керенского с требованием к Верховному сдать должность начальнику штаба генералу Лукомскому и прибыть в Петроград. Корнилов не подчинился. Лукомский принять командование отказался и открыто обвинил Керенского в провокации. Крымов отдал приказ частям корпуса двигаться на Петроград.

Можно лишь гадать, что толкнуло Керенского на открытую конфронтацию с Корниловым. Нелишне вспомнить негативное впечатление, оставшееся у Александра Фёдоровича после визита в Киев. Там его, председателя Правительства, во время парада «украинских» войск унизительно поставили перед фактом «автономизации» Украины. Там он воочию убедился, что настают времена, когда чины и звания мало что значат в сравнении с военной силой.

Можно даже представить, что министр-председатель оценивал шансы Советов, как более весомые...

Но вернее всего, Керенский, до конца надеявшийся, что до серьёзных действий дело не дойдёт, и всё как-то устроится едва ли не само собой, понял вдруг, что ошибся. Корнилов на полумерах не остановился и от слов перешёл к делу.

⁴² Чего, конечно же, не было. Можно в чём угодно обвинять Временное правительство, но только не в сотрудничестве с немцами.

⁴³ Деникин писал, что негативное влияние оказало весьма сомнительное окружение Верховного. Люди, типа ординарца Корнилова, прапорщика Завойко возможно и были лично преданы Верховному, но само их участие в серьёзных государственных делах в качестве «политических консультантов» придавало выступлению характер авантюры.

⁴⁴ С июля – товарищ военного министра. 27 августа был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа.

И когда Крымов выступил, министр-председатель вдруг отчётливо осознал, введение верных Ставке и лично Корнилову частей в Петроград по существу означает переход реальной власти в руки военных и отход его на задний план. Заманчивая перспектива покончить, наконец, с Советом, избавиться от тяготившего Правительством гарнизона оборачивалась вполне возможным отстранением его лично от власти... Вполне вероятно, именно это обстоятельство и сыграло решающую роль. Влияние Совета, частей гарнизона, членов правительства, правых и революционных партий, даже и личная неприязнь, которую давно испытывали друг к другу Керенский и Корнилов, интересы армии и страны, в конце концов, всё это не шло, ни в какое сравнение с перспективой утраты личной власти.

Так или иначе, но Керенский вновь круто повернул и устремился в противоположную сторону. Выбирая с кем идти, с Корниловым против Советов или с Советами против Корнилова, Керенский, в конце концов, отдал предпочтение Советам. Этим он подписал Временному правительству смертный приговор и открыл «ленинцам» путь к власти.

Между тем войска Крымова продвигались постепенно к Петрограду. Но занять столицу им было не суждено. И удивляться не приходится. Это были части той же Русской армии, в значительной степени разложенные уже Приказом №1, с комитетами, выборным командным составом, не желающие воевать ни с немцами, ни, тем более, с тыловыми гарнизонами. Пока они выполняли приказ Верховного, эшелоны кое-как двигались ещё к цели. Едва лишь большевистские агитаторы, действовавшие смело и решительно, довели до солдат и казаков, что Корнилов – мятежник, будущий диктатор, а главное, «за продолжение войны», всё стало. Сыграло свою роль и противодействие, организованное Временным правительством, Советами, «Викжелем», всевозможными комитетами на местах, но основная причина почти предопределённой неудачи выступления кроется в «качестве» привлечённых войск. Предопределённой потому, что других, за исключением Корниловского ударного, уже и не было.

Возникает вопрос, почему же Корнилов, поставивший всё на карту, лично не встал во главе войск и не двинул на Петроград надёжные, преданные Верховному Текинский и Корниловский полки. Последующие головокружительные успехи первопоходников и «дроздовцев» дают основание предположить, что даже и небольшая, но крепко сбита, дисциплинированная, направляемая твёрдым, уверенным в себе командиром часть, вполне могла бы рассчитывать на успех. Ответ, видимо, следует искать в отличительных чертах личности генерала Корнилова. Конечно же, он не хотел подвергать смертельной опасности преданных ему солдат и офицеров. Вероятно, уже не верил в счастливый исход «дела». Но вполне резонно предположить, Верховный чувствовал всю двусмысленность своего положения. И колебания его определялись нежеланием выступить с оружием в руках против «законной» власти, пусть даже олицетворяемой Керенским. А главное, нежеланием развязать гражданскую войну, без которой, не уступи он, в конце концов, было бы уже не обойтись...

Так или иначе, предприятие провалилось. Эшелоны 3-го конного и Туземной дивизии безнадежно застряли. Распропагандированные казаки митинговали, смешавшись с Лужским гарнизоном и продвигаться к Петрограду вовсе не стремились. Офицерские организации в столице оказались неподготовленными, а скорее даже, несостоятельными.

28 августа Керенский отдал приказание о прекращении выдвижения войск на Петроград. Корнилов отказался выполнить это распоряжение и в свою очередь приказал Крымову «оказать давление на правительство». К этому времени связь с Крымовым уже была прервана, восстановить её так и не удалось. Только лишь в этот день в Могилёв прибыл назначенный ещё 24 августа командиром 3-го конного корпуса генерал П.Н. Краснов. Получив предписание, он направился к войскам и следующим утром прибыл на станцию Дно.

Между тем, в конце дня 28 августа авангард Туземной дивизии, 3-я бригада под командой князя Гагарина, двигаясь в эшелонах по железной дороге, достигла станции Вырицы, где

наткнулась на разобранные пути и остановилась. Бригада в составе двух полков, Чеченского и Ингушского, выгрузилась и пошла походным порядком на Павловск и Царское Село. У станции Семрино их встретили огнём выдвинувшиеся навстречу части Петроградского гарнизона. В перестрелке никто не пострадал, но дальнейшее продвижение на столицу в составе восьми неполных конных кавказских сотен было немыслимо. Основные силы Туземной дивизии стояли в эшелонах на станции Дно. Командир дивизии князь Багратион, имевший беседу с Красновым, выгрузиться и пойти на помощь своей 3-й бригаде так и не рискнул. Да и настроение у горцев и солдат было уже не то.

Около 14 часов на станцию прибыли два эшелона Приморского драгунского полка. Солдаты, уже имея на руках воззвание Керенского, собрались за путями и принялись обсуждать, кто изменник, Корнилов или Керенский. Командир полка полковник Шипунов представился Краснову и попросил его выступить перед драгунами. В ответ на призыв генерала исполнить свой долг и выполнить приказ Верховного главнокомандующего «без всяких рассуждений», подпрапорщик, вахмистр со многими крестами на груди высказался от имени солдат в том смысле, что они готовы выполнить приказ и о долге помнят, но нужно сперва разобраться, чей приказ выполнять, кто – изменник... Краснов проследовал в Псков, в штаб Северного фронта. Вот, что напишет он позже в своих мемуарах. «Приверженцы Керенского пустили по железным дорогам тысячи агитаторов, и ни одного не было от Корнилова.

Какая страшная драма разыгрывалась в темной душе солдата в эти дни? Какие ужасные мысли медленно ползли и копошились в его мозгу? Начальники с верховным главнокомандующим ген. Корниловым вели солдат против Временного правительства, того Временного правительства, которое дало им неслыханную свободу, которое попустительствовало им в их преступлениях против начальников и, не отказываясь на словах, отказалось на деле от войны, потому что лето – период упорных сражений – проходило тихо, если не считать двух неу-

давшихся наступлений, – июньского на юго-западном фронте и июльского – на северном, сорванных солдатами, оставшимися совершенно безнаказанными».

В этот же день Керенский отдал приказ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова⁴⁵ и старших его сподвижников. Уже к вечеру депутации от казаков и от Туземной дивизии прибыли в Петроград, чтобы убедить в отсутствии немецкого десанта. Десант, конечно, обнаружен ими не был...

30 августа Краснов прибыл в штаб Северного фронта, где и был задержан⁴⁶. Генерал Алексеев после определённых колебаний принял предложение министра-председателя занять пост начальника штаба у «Главковерха» Керенского⁴⁷. В этот же день к Крымову прибыл помощник начальника правительственного

⁴⁵ Должность Верховного главнокомандующего Александр Фёдорович оставил за собой.

⁴⁶ Был отпущен сразу же после Корниловского выступления, так как сделать ничего не успел. «Невиновность» и непричастность к выступлению Краснова были настолько очевидными, что за генералом сохранили даже должность командира корпуса. Более того, получил от Керенского тот же самый, «корниловский», приказ – выдвинуть (теперь уже к 6 сентября) части корпуса поближе к столице «ввиду возможности высадки немцев в Финляндии и беспорядков там». Любопытно, что на этот раз, выдвижению частей корпуса на ближние подступы к Петрограду, в район Павловск-Царское-Гатчина-Петергоф никто не препятствовал. Верхушка большевиков в отсутствие Ленина с планами на будущее ещё не определилась.

Будто ружьё, размещённое драматургом у всех на виду и этим предопределённое к выстрелу, мелькнуло в строчках донесений имя Пётра Николаевича Краснова. Его возвращение на политическую сцену также было неизбежно и обусловлено следующими обстоятельствами. Безусловным авторитетом, которым генерал пользовался в казачьих полках. Готовностью, вовсе, кстати, не без его осмысления, но беспрекословно выполнить приказ, сколь бы трудным и даже безнадежным не казалось дело. Умением вдохновить и повести за собой подчинённых.

Сыграло, конечно, свою роль и то, что ядро 3-го конного корпуса оставалось в зоне досягаемости по отношению к столице. Когда началось, не пришлось, как Крымову, растратить всю энергию и страсть на разбег.

⁴⁷ Впоследствии он оправдывал это решение желанием «спасти корниловцев». По свидетельству Лукомского Корнилов при аресте высказал в лицо Алексееву следующее: «Помните, Ваше превосходительство, что Вы идёте по опасному пути; Вы идёте по грани, отделяющей честного человека от бесчестного».

кабинета полковник Самарин, который, будучи другом генерала, убедил его в том, что положение Корнилова безнадежно. Что якобы Ставка и Керенский договорились о прекращении противостояния со сглаживанием негативных последствий. В заключение генералу было предложено оставить войска и выехать в Петроград. Своему другу Самарину Крымов поверил и решил ехать.

Ранним утром 31 августа в вагоне поезда Крымов имел с глазу на глаз беседу с Алексеевым, которая лишь убедила его в том, что дело окончательно проиграно. Алексеев уехал арестовывать Верховного Корнилова, Крымов направился к министру-председателю. В тот же день, после разговора с не скрывающим торжества и открыто злорадствующим Керенским, обманутый⁴⁸ генерал Крымов выстрелил себе в сердце. Он жил ещё несколько часов в Николаевском военном госпитале. Похороны разрешено было произвести лишь не позже 6 часов утра и в присутствии не более 9 человек.

Ещё не родившись, Добровольческая армия потеряла одного из лучших своих командиров...

1 сентября Корнилов прекратил борьбу. Никто из участников выступления сопротивления не оказал. К чести Алексеева он предпринял всё возможное, чтобы предотвратить самосуд и кровопролитие. Часть «корниловцев» была арестована в Ставке, в Могилёве⁴⁹, иные – в Бердичеве.

Подавленный Корнилов не вышел к полкам, простившись с солдатами в лице их командиров. При этом капитан Неженцев плакал, как ребёнок. Выступление было проиграно, так толком и не разогнавшись, не развернувшись...

Керенский победил, но победа эта дорого обошлась министру-председателю. Маятник вновь качнулся и на этот раз резко влево. Влияние большевиков, без которых и речи не мог-

⁴⁸ 4 сентября полковник Самарин за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и назначен командующим войсками Иркутского военного округа.

⁴⁹ Алексеев сумел настоять, чтобы охрана арестованных была возложена на преданный Корнилову Текинский полк. Явно тяготясь своей ролью, Алексеев пробыл в Ставке ещё несколько дней, потом, ушёл в отставку. Начальником штаба Верховного главнокомандующего, фактически Верховным, был назначен начальник штаба армий Западного фронта генерал-лейтенант Н.Н. Духонин.

ло идти о пресечении Корниловского выступления, возросло многократно.

4 сентября из-под ареста под залог был освобождён Троцкий, что наглядно продемонстрировало переориентацию вектора внутренней политики правительства. 9 сентября исполком Петросовета, в котором преобладали меньшевики и эсеры, оказался в меньшинстве. Его председателем как раз и был избран 20 сентября Троцкий. Днём ранее исполком Московского Совета рабочих депутатов возглавил большевик В.П. Ногин. Большевизация советов шла полным ходом. За первую неделю сентября большевистскую резолюцию о передаче власти Советам поддержали советы 80 крупных городов. В отрядах Красной гвардии, легализовавшихся после Корниловского выступления, влияние большевиков также было определяющим. С РСДРП(б) были практически сняты обвинения «в пособничестве Германскому командованию».

Деникин пишет: «Победа Керенского означала победу советов, в среде которых большевики стали занимать преобладающее положение, упрочила позицию самочинно возникших левых боевых организаций, в виде военно-революционных комитетов... Керенский окончательно оттолкнул от себя и Временного правительства те либеральные элементы, которые, пережив период паники, не могли потом простить ему своего ослепления; оттолкнул окончательно и офицерство – единственный элемент – ...сохранивший еще способность и стремление к борьбе...»

В Быховскую тюрьму⁵⁰ были препровождены: генералы Корнилов, Деникин, Эрдели, Ванновский, Эльснер, Лукомский, Романовский, Кисляков, Марков, Орлов; подполковники Новосильцев, Пронин, Соотс; капитаны Ряснянский, Роженко, Брагин; есаул Родионов; штабс-капитан Чунихин и др. Вина большинства заключалась в том, что в момент выступления они публично высказались в поддержку Верховного. Иные лишь добросовестно выполняли приказы. Были и такие, которые никакого отношения к «мятежу» не имели.

Немалое число «быховцев» впоследствии стали организато-

⁵⁰ Под тюрьму было переоборудовано здание Женской гимназии.

рами и командирами Добровольческой армии. Многие к белому движению не примкнули...

Для расследования произошедшего была назначена Следственная комиссия под председательством Главного военноморского прокурора Шабловского. И тут вдруг выяснилось, что Россия, находящаяся на краю пропасти, оставалась демократической страной. Керенский и Советы требовали военного суда над Корниловым и его сторонниками, однако Комиссия проявила лояльность к «корниловцам», подошла к делу объективно и, в частности, посчитала, что роль самого Керенского в августовских событиях, по меньшей мере, неоднозначна. Расследование затягивалось.

9 сентября 1917 года подали в отставку в знак солидарности с генералом Корниловым министры-кадеты. Общественное мнение также в значительной мере было на стороне «корниловцев». Условия содержания «быховцев» были вполне сносными. Им доставляли прессу, да и сношения с внешним миром, мягко говоря, не пресекались.

Была даже обнародована так называемая «Корниловская программа»:

1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций – впредь до Учредительного собрания.
2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.
3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.
4. Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.
5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания.

Впоследствии она оставалась и программой белого движения на Юге России, его идеологией.

Между тем, Комиссия, явно симпатизировавшая арестованным, постепенно освобождала «быховцев» одного за другим. К 27 октября стены тюрьмы покинула половина заключённых. К 18 ноября их оставалось лишь пятеро: Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский, Марков. Корнилов вовсе не отказался от дальнейшей борьбы. И покинуть Быхов, при охране из преданных ему «текинцев», не составляло особого труда. Просто бежать было пока ещё некуда. И время ещё не пришло...

1.6. Отзвуки Корниловского выступления на Дону. Войсковой круг 2-го созыва

С 7 по 18 июня в Петрограде проходил II (Учредительный) казачий съезд от 12 войск (включая вновь образованное Уссурийское казачье войско), который солидаризировался с позицией правых. Съезд потребовал создания в стране «единой сильной власти», обещал Временному правительству помощь в закреплении свободы и в борьбе с анархией и со сторонниками сепаратного мира и избрал Совет Союза казачьих войск во главе с войсковым старшиной А.И. Дутовым из Оренбургского казачьего войска. Но среди казаков наметился раскол. Меньшинство, левая часть съезда обвинила его организаторов в организованном подборе состава съезда, осудила принятые им решения, в том числе по аграрному вопросу⁵¹, считая, что в нём не учтены интересы не только крестьян, но и всего государства, потребовала созыва съезда рядового казачества.

Общеказачья конференция, состоявшаяся в Новочеркасске 27–28 июля, выразила безусловную поддержку Верховному командующего Корнилову, высказалась за создание сильного правительства с диктаторскими полномочиями, способного покончить с анархией, потребовала от Временного прави-

⁵¹ Съезд вновь продекларировал права казаков на Войсковые земли.